

КОНСТАНТИНОВА Лариса Владимировна –

д.соц.н., профессор; заместитель директора Саратовского социально-экономического института – филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89.

kostkas@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

SOCIAL IDEAL IN THE POSTMODERN ERA: VIEWS OF SOCIAL POLICY

В статье актуализируется проблематика общественного идеала, рассматриваются вопросы трансформации его природы в эпоху Постмодерна. Если в парадигме модернизма общественный идеал интерпретируется как интегративно-регулятивная подсистема общества, один из основных детерминантов его развития, выполняющий функции социального целеполагания, то в постсовременном обществе происходит существенное изменение его природы: технологизация, плюрализация, прагматизация, симулякризация идеала, в силу чего из значимого социального детерминанта он превращается в одну из форм проявления повседневности. На примере проблем и противоречий в сфере формирования стратегий и ценностей социальной политики в современной России демонстрируются данные видоизменения природы общественного идеала. Так, внутренняя противоречивость, амбивалентность обнаруживается сегодня в формирующихся идеалах социальной справедливости, перманентная ситуация социального выбора в наиболее яркой форме проявляется в осуществлении постоянного выбора модели социальной политики. Делается вывод, что Россия начинает осуществлять попытку выхода за границы Постмодерна, что проявляется в поиске новых объединяющих начал, особой линии и собственной модели развития.

Ключевые слова: общественный идеал, общество Постмодерна, амбивалентность ценностей, идеалы социальной справедливости, модели социальной политики

The issues of social ideal, transformation of its nature during Postmodern epoch, changes of its interpretation in the methodology of postmodern period are considered and updated in the article. As for the modernism paradigm, the social ideal is interpreted as an integrative and regulative society subsystem, being one of its main development determinants and functioning as a social goal-setting, but there is a considerable change of its nature in the postmodern society. Ideal gets features of technicality, pluralism, pragmatism and simulacrum, and due to this it turns from the valuable social determinant into one of the form of everyday routine. Modification of the nature of social ideal is shown by example of problems and contradictions in the sphere of formation of strategy and values of social policy in modern Russia. Thus, self-contradictoriness and ambivalence are found today in forming ideals of social fairness; permanent situation of a social choice in the most vivid form appears in implementation of a constant choice of a model of social policy. Subsequently it is concluded that Russia is now beginning its attempt of overrunning the Postmodern epoch, which is manifested in finding new unifying principles, the special line and development model.

Keywords: social ideal, Postmodern society, ambivalence of values, ideals of social justice, model of social policy

Проблема общественного идеала, его социальной природы не является принципиально новой ни для отечественной, ни для зарубежной общественной мысли, однако в последнее время в нашей стране она практически не артикулируется. Возможно, для этого есть объективные причины. Что может говорить об общественном идеале общество, утратившее свои идеалы

и пока сложно консолидирующееся вокруг каких-то новых социальных идей и ценностей? Тем не менее с этой темой связаны проблемы и широкие дискуссии в научной и политической среде. Это и проблема конструирования национальной идеи для России, которая в последней официальной интерпретации получила формулировку: «формирование духовных скреп российского

общества». Это и проблема ценностной дезориентации поколений постсоветского периода. Упомянем проблему эффективности социального целеполагания; осмысления процессов, происходящих в сфере политического идеологического поиска новых форм национальной и религиозной идентичности в условиях светского и многонационального общества. Здесь же проблемы интерпретации отечественной истории в условиях отсутствия ценностных и идеологических критериев для этого.

Данный проблемный контекст во многом может характеризоваться как проявление духовного кризиса. Вместе с тем он свидетельствует о том, что в российском обществе идет поиск путей выхода из сложившейся ситуации, сохраняется тяга к неким общим, универсальным духовным основам, желание видеть очертания будущего состояния общества, потребность консолидироваться в рамках общих целей развития. Поэтому сегодня имеются основания для того, чтобы возобновить разговор об общественном идеале с точки зрения кардинальным образом изменившегося общества.

Оптимистические эпохи и воззрения, демонстрирующие уверенность в возможности освоения и достижения идеала, в истории человечества сменялись пессимистическими эпохами и воззрениями, разрушающими данную уверенность и провозглашающими общество без идеалов. Тем не менее сам процесс поиска, в какой бы форме он ни выражался, свидетельствует о том, что идеал как проблема обладает детерминирующими свойствами для человека и социума и независимо от характера интерпретаций встроен в некоторые существенные основы человеческой самости как на индивидуальном, так и на социальном уровне.

В начале 1990-х гг. автором данной статьи было предложено одно из видений социальной природы общественного идеала [Константинова 1994]. Авторская концепция была выстроена в рамках модернистской парадигмы, основанной на представлении об идеале как о некоем универсальном образе совершенного общественного устройства, воспроизводимом и постижимом

на рациональном уровне и обеспечивающем развитие общества в направлении прогресса. Суть ее заключалась в том, чтобы посмотреть на общественный идеал не столько как на факт сознания, сколько как на социальный феномен, занимающий в общественной системе определенное место, обладающий определенной структурой и выполняющий в силу этого социально значимые функции. В рамках методологии системного и структурно-функционального подходов общественный идеал был представлен как универсальная, необходимая, функционально-целесообразная подсистема общества. В качестве основных элементов структуры общественного идеала было предложено рассматривать социальные идеи, социальные ценности, социальные технологии и нормативный комплекс требований к личности. Доминирующее место в этой системе занимает подсистема социальных целей (социальные идеи и социальные ценности). Социальные технологии в совокупности с нормативными требованиями к личности образуют комплекс средств достижения данных целей. В системе общественного идеала образ совершенного будущего превращается в образ совершенного желаемого будущего, в образ-цель, который может приобретать характер предельной, конечной цели в определенные временные периоды. В такой интерпретации общественный идеал становится мощным социальным регулятором, одним из основных детерминантов функционирования и развития общества.

Однако постмодернизм конца XX — начала XXI вв. разрушил устои, на которых долгое время зиждились теории общественного идеала (рационализм, универсализм, абсолютизм, прогрессизм), воплотившись в «то состояние, с помощью которого современное общество осознало свою нереализуемость, недостижимость своих целей, поняло, что нет способа устранить разнообразия и плюрализм» [Бауман 1991: 15-16].

Современные подходы к пониманию эпохи Постмодерна представляют собой во многом эклектичное полотно художественно-философской мозаики, вскрывающей парадоксальность деконструкции и разломов нынешней эпохи. С одной стороны, они могут трактоваться

как тотальный кризис социальности, а с другой — восприниматься как принципиально новый способ организации социальной реальности. Социальная деконструкция и децентрализация, плюрализм и эклектизм культур, всеобщий хаос и неопределенность, ризомность развития, отсутствие общепринятых норм и амбивалентность ценностей, симулятивность и театрализация основных сфер жизни, виртуализация и гламуризация социального пространства, нелинейность и иррационализация социальных процессов, подавляющий агностицизм и прагматизм расколотого общества Постмодерна, живущего здесь и сейчас, отвергающего супероснования и большие нарративы, оправдывающего идеологический плюрализм и мифы потребительства, внедряемые в сознание, — вот лишь немногие значимые черты постсовременности.

Что же происходит с общественным идеалом как фундаментальным основанием предыдущих эпох в обществе Постмодерна? Исчезает ли он совсем как социальный, духовный феномен и общественный детерминант либо остается, но при этом принципиальным образом изменяется его природа? Однозначных ответов на данные вопросы сегодня, по всей видимости, нет, т.к. основной характеристикой социальной жизни в обществе Постмодерна становится ее неоднозначность. Но в этой неоднозначности появляется возможность поиска общественного идеала, его иноформ и инноваций.

Так, иноформы общественного идеала можно обнаружить в технологизации постмодернистского общества, в его тотальном программном менеджменте, воплощением которого становится социальный проект, представляющий собой рациональный план переустройства какого-либо сегмента общественной жизни в соответствии с поставленной целью. В результате общественный идеал из поля, характеризующегося такими параметрами, как совершенное, абсолютное состояние, не имеющее отрицательных характеристик, замыкающееся на тотальности предельных оснований, перемещается в пространство оптимальности, т.е. реально допустимого, адекватного конкретной

ситуации состояния, которое, не являясь совершенным, может одновременно содержать положительные и отрицательные проекции. В таком виде идеал встраивается в реальность, перестает быть трансцендентной, отдаленной во времени утопией или традицией и становится постоянно переструктурирующейся в череде сменяющихся проектов локальной прагматической идеей. И в этом сохраняется его целеполагательная функция. Э. Гидденс пишет, что постсовременность может создавать утопию, но определенного вида, в качестве проекта, ориентированного на будущее, который соединен с имманентными тенденциями развития и поэтому является реалистичным [Гидденс 2011: 308].

При этом появляется новая форма материальной представленности такой прагматической идеи в виде надреалистичной модели, упрощающей видение объекта и конструируемой путем отбрасывания несущественных факторов. В понятийных конструкциях Постмодерна такая модель интерпретируется как симулякр. «Именно принцип симулякра правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности. Целевые установки исчезли, теперь нас порождают модели. Больше нет идеологии, остались одни симулякры» [Бодрийяр 2000: 44]. По всей видимости, общественный идеал в одной из своих иноформ может быть описан как симулякр. Ну чем идеал не фантом, не образ того, чего нет и скорее всего никогда не будет? Возможно, все идеалы предыдущих эпох были такими фантомами, а нереалистичность — это в принципе сущностная черта любого общественного идеала. Если инновация общественного идеала в эпоху Постмодерна имеют место, то они проявляются в том, что идеал существует в виде альтернативных симулятивных моделей, чего никак не могло быть в предыдущие эпохи. Здесь закрывается путь к возникновению любой системной, господствующей и адекватной для реальных отношений идеологии [Бузгалин 2004: 3-15]. Становится неизбежной вариативность моделей, обуславливаемая плюралистичностью, гетерогенностью, амбивалентностью восприятия социальных процессов. В результате общество, политический и социальный субъект оказываются в

ситуации перманентного выбора альтернативных моделей. При этом любой сделанный выбор никогда не является окончательным, он может быть изменен в зависимости от обстоятельств в пользу иных альтернативных моделей. В этой ситуации выбор становится абсолютным, а идеалы — относительными. Их теперь много, и сегодня может быть выбран один идеал, а завтра — другой, противоположный. Более того, в парадигме постмодернизма сам идеал может быть амбивалентен, т.е. сама конструируемая идеальная модель может предполагать внутри противоречивую природу моделируемого объекта. Например, в качестве идеального конструкта может быть представлена модель государства, являющегося одновременно институтом классового господства и классового мира. Или идеал социальной справедливости может одновременно предлагать уравнительную и распределительную социальную справедливость.

Такая вариативность и альтернативность возможных идеальных моделей детерминируется состоянием амбивалентности, раздвоенности сознания людей. Деконструкция монолитных ранее ценностных систем в обществе Постмодерна, разрушение абсолютов и моральных критериев привели к возможности оценки одной и той же идеальной конструкции одновременно в абсолютно разных ценностных плоскостях. Поэтому ситуация выбора оказывается необходимой не только относительно альтернативных моделей, но и относительно систем ценностей, с помощью которых эти модели могут быть оценены и им придано какое-то определяющее значение. Социальное и личностное напряжение, возникающее вследствие перманентного выбора, осуществляемого в условиях временного дефицита, в результате может приводить к усталости и отказу от осуществления актов выбора, что в итоге выражается в ситуативности поступков и деятельности. И в этом проявляется сверхсубъективизм постсовременности, когда, в конечном счете, все оказывается в зависимости от восприятия и состояния субъекта здесь и сейчас. В таком пространстве достижение каких-либо системных состояний и идеалов становится невозможным, т.к. любая система, стремящаяся к совер-

шению, обретает катастрофический, а не диалектический сценарий развития, ведущий ее к перерождению и смерти, и именно в высшей точке ценности она ближе всего оказывается к амбивалентности [Бодрийяр 2000: 47].

Таким образом, если мы допускаем наличие общественных идеалов в обществе Постмодерна, то в видоизмененной форме. По сравнению с классическим представлением здесь происходит существенная технологизация, плюрализация, прагматизация, симулякризация идеалов, в силу чего из значимого социального детерминанта он превращается в одну из форм проявления повседневности.

Российское общество, реализующее на протяжении всей своей истории в большей степени западный сценарий развития, является обществом крайностей. Поэтому и проявления Постмодерна сегодня находят у нас свое крайнее выражение [Овсянников 2010: 223-235]. Мы можем обнаружить воплощения общественного идеала, о которых только что упоминали. Так, в системе государственного социального целеполагания программно-целевые и проектные методы социального планирования и прогнозирования заняли основополагающее место. Яркими примерами могут служить 4 приоритетных национальных социальных проекта, запущенных в середине нулевых годов, которые кроме конкретных тактических целей и способов их достижения имели существенную идеологическую составляющую, направленную на мобилизацию различных социальных и профессиональных групп для их реализации.

Если говорить о перманентной ситуации социального выбора, то она в наиболее яркой форме проявляется в сфере социальной политики. Более 20 лет постсоветской истории — это годы осуществления постоянного выбора модели социального государства с учетом сложившихся традиций и имеющегося мирового опыта. За достаточно короткий временной период в России несколько раз происходила кардинальная смена государственной стратегии в области социальной политики, изменялись предлагаемые обществу социальные идеалы в данной сфере: конец 1980-х — идеалы государствен-

ного патернализма; 1990-е гг. — идеалы неолиберализма в социальной политике; нулевые годы — идеалы социально ориентированного государства; 2008–2009 гг. — социально ориентированная антикризисная стратегия, 2010–2013 гг. — идеалы новой социальной политики, ориентированной на развитие человеческого капитала [Константинова 2011: 87-94]. В ситуации перманентного стратегического выбора основной вопрос, перед которым оказалось российское общество в начале 1990-х, остается открытым. Это вопрос об оптимальной модели распределения социальной ответственности между государством, рынком и общественным сектором, о выработке базовых принципов реализации социальной политики в условиях рыночной экономики. Сегодня ситуация усугубилась в связи с мировым финансово-экономическим кризисом, показавшим неустойчивость всех действовавших в мире моделей социальной политики. В результате Россия опять оказалась в ситуации стратегического выбора модели социальной политики.

Однако постоянно сменяющиеся модели социальной политики, в сущности, оказываются симулякрами. Декларируемая в них и реально реализуемая социальная политика дистанцированы друг от друга. В сравнении с задаваемыми непатерналистскими моделями осуществляемая социальная политика носит внутренне противоречивый и половинчатый характер. Государство вроде бы и пытается сбросить с себя большую часть функций и полномочий, но в реальности не может этого сделать в полной мере в силу неразвитости негосударственных институтов социальной политики, глубоких традиций централизации власти, региональной раздробленности и сопротивления бюрократического аппарата. Эти противоречия содержатся в осуществляемых социальных реформах: тенденции децентрализации полномочий на фоне централизации финансовых потоков; усиливающаяся централизация управления социальной сферой и регулирования общественного сектора. Результатом такой половинчатости явилось распространение целой системы нелегитимированных практик и двойных стандартов социальной политики:

теневая занятость и доходы; сокрытие доходов предприятий с целью экономии на социальных платежах на фоне квазиактивной социальной политики; давление государства на бизнес и НКО с целью вынуждения их к социальной ответственности; неофициальные платежи за социальные услуги; феномен фальшивых льготников; коррумпированность ведомств и учреждений, оказывающих социальные услуги; невыполнение социальных обязательств государством в качестве работодателя. Поэтому можно сказать, что государство на уровне институтов пытается задавать одни (новые) правила игры, но в то же время на практике продолжает во многом играть по другим (старым) правилам. Одним из следствий этого стал феномен институциональной дифференциации социальной сферы (разделение профильных институтов социальной сферы — образования, здравоохранения, сферы досуга, туризма — на элитные и массовые), обострилась проблема доступа к качественным социальным услугам, что в целом привело к увеличению социального неравенства.

Внутреннюю противоречивость, амбивалентность мы можем обнаружить сегодня и в формирующихся идеалах социальной справедливости. В современном российском обществе значительная часть населения затрудняется определить, что такое социальная справедливость. Либеральные взгляды сочетаются с коммунистическими подходами¹. Именно поэтому многие российские исследователи определяют современную Россию как расколотое общество, для которого характерен конфликт фундаментальных ценностей справедливости [Карнаш 2011: 128-129]. При этом речь идет об отсутствии принципиального консенсуса в отношении ценностей общей справедливости, более того, отмечаются трудности в достижении такого консенсуса [Кашников 2004: 31]. Однако специфика российской ситуации заключается в том, что на фоне неоднозначности в понимании

¹ Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 23–24 июня 2007 г. Опрошено 1 599 чел. в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. Доступ: <http://www.zarplata.ru/n-id-14283.html>

социальной справедливости преобладающим феноменом является ощущение тотальной социальной несправедливости. Ценностный разлом находит свое продолжение на уровне определения факторов, вызывающих социальную несправедливость. Результаты исследований, проведенных автором [Константинова, Константинов 2012: 97-101], показали, что большинство граждан одной из основных причин социальной несправедливости в России считают коррупцию. Однако парадоксальность современного сознания российских граждан заключается в том, что они одновременно и осуждают коррупцию, и одобряют ее, считая одной из традиционных культурных форм, важным фактором упорядочения социальных связей в условиях слабо развитых социальных институтов.

Данные примеры подтверждают предельную сложность нынешней эпохи, вскрываемой в интерпретациях постмодернизма, который, по сути, не является перспективной теорией развития и не дает ответы на сложные вопросы постсовременности.

Тем не менее, возможно, вместе с Западом или без него Россия сегодня начинает осуществлять попытки выхода за границы Постмодерна в некий Неомодерн с возрождением новых объединяющих начал, ищет свою особую линию и модель развития. В этом потоке рождаются новые социальные идеи (суверенная демократия, единая российская нация, новое евразийство и т.п.), которые, вероятно, когда-нибудь окажутся способными вырасти в продуктивную утопию, воспроизводящую для России ее собственный путь.

Литература

- Бауман З. 1991. *Социология постмодернизма*. М.
- Бодрийяр Ж. 2000. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет, 387 с.
- Бузгалин А.В. 2004. Постмодерн устарел... (закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии»). — *Вопросы философии*, № 2. С. 3-15.
- Гидденс Э. 2011. *Последствия современности*. М.: Праксис, 352 с.
- Карнаш Г.Ю. 2011. *Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация*. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 236 с.
- Кашников Б.Н. 2004. Исторический дискурс российской справедливости. — *Вопросы философии*, № 2. С. 29-42.
- Константинова Л.В. 1994. *Место и роль общественного идеала в системе социальной детерминации*: дис. ...к.филос.н. Саратов, 182 с.
- Константинова Л.В. 2011. Интерпретация социальной политики в контексте социального неравенства. — *Вестник Поволжской академии государственной службы*, № 4(29). С. 87-94.
- Константинова Л.В., Константинов С.А. 2012. Социальная справедливость в российском интерьере. — *Власть*, № 5. С. 97-101.
- Овсянников А.А. 2010. Общество потребления в России: системность и тотальность кризиса. — *Вестник МГИМО — Университета*, № 3(18). С. 223-235.
-